

Между тем реставратор взял свой дипломат и вместе с кубком преспокойно вышел из кабинета. Направился он к экспозиции современного искусства, где в это время ассистентка Валерия Александровича выступала с презентацией. Часть гостей расположилась на стульях, специально расставленных рядами в центре зала; некоторые, не проявляя интереса к докладу, любовались экстравагантными работами Херста, Лихтенштейна, Рихтера; возле внушительного «Абстрактного полотна» собралось немало ценителей нефигуративной живописи. Помещение то и дело озарялось вспышками фотокамер.

Реставратор прошел через весь зал и бесцеремонно встал рядом с докладчицей. Девушка удивленно посмотрела на грааль в его руках и запнулась.

Он же, ехидно улыбнувшись, помахал перед публикой кубком и произнес:

— Очаровательная Марьяна как раз собиралась нам поведать об этом славном экспонате!

Среди зрителей прошло приглушенное волнение, впрочем, фотографы и журналисты заметно оживились, предвкушая интересное продолжение.

— Итак, в честь этого знаменательного дня мы с нашим уважаемым предводителем подготовили для вас увлекательную программу... А вот и он собственной персоной!

У входа в зал появился бледный как полотно Мезинский в окружении трех охранников и полицейского. Его было не узнать: распухшее лицо, кожа в

белесых пятнах, расстегнутый ворот рубашки без бабочки, над правой бровью белел пластырь. Появление в таком виде руководителя филиала Christie's произвело сильное впечатление на присутствующих. Прикрываясь от назойливых фотокамер, он что-то сказал подошедшему директору музея и показал рукой в сторону реставратора, к которому тут же двинулись охранники.

Некоторые из очевидцев потом рассказывали, что именно в этот самый момент у «рыжеволосого типа» из дипломата как будто стал пробиваться белый дымок.

Ассистентка Мезинского негромко вскрикнула и отступила в сторону. Среди гостей раздались возгласы.

— Эй, умник! У тебя чемодан дымит!

— Да что это за цирк такой?! — громко возмутилась одна из дам.

— Уважаемые господа! — попытался успокоить гостей Иван Андреевич, директор музея. — По техническим причинам у нас небольшой перерыв!

Но его слова только смутили публику, люди не верили своим глазам: дипломат в руках странного субъекта начал натурально дымить, из него, словно змеи, вились вверх густые грязно-масляные клубы. События дальше развивались стремительным образом.

Глядя на приближение неравных сил, реставратор, как будто опомнившись, вдруг резко встряхнул свою ношу и швырнул ее в сторону стражей правопорядка.

— Полундра! — прогорланил полоумный реставратор.

И в следующие мгновения последовал глухой хлопок: прямо в полете дипломат разорвало на несколько частей, внутренности же его разлетелись по всему залу множеством горящих фрагментов. Эти огненные ошметки попадали на паркет, на антикварную мебель, оказались на белом кружевном тюле, который моментально вспыхнул, и даже на некоторых гостях. Буквально через секунду раздался пронзительный звук пожарной сигнализации. Какая началась кутерьма!

Под вой пожарной sireны ошарашенные гости повскакивали со своих мест. Большинство кинулось к выходу.

На помощь незадачливым охранникам, которые приняли на себя основную порцию огненного угощения, подбежали другие и стали тушить в них одежду, пытаясь сбить пламя подручными средствами. Но вязкая, словно смола, масса лишь липла к рукам и предметам, и тогда, страшно матерясь, горящие люди начали просто сбрасывать с себя догорающие пиджаки, рубашки и даже брюки.

Огонь распространялся быстро. В разных местах, потрескивая, занимался паркет. Люди сталкивались, кричали, стремились быстрее вырваться наружу. У выхода образовалась давка. Но отдельные представители прессы не спешили покидать зал и героически продолжали вести фотосъемку страшной вакханалии.

— Граждане, дайте же пройти! Не мешайте ликвидации возгорания! — кричал директор музея, лавируя между мятущимися людьми с огнетушителем в руках.

К нему уже поспевали несколько других сотрудников, тоже с огнетушителями, — до прибытия пожарных нужно было не дать множеству небольших очагов сплотиться в неукротимую огненную стихию. Кристофер, находясь рядом с Лариным в самом эпицентре бури, лишь озирался по сторонам, словно все происходило во сне.

А между тем комната угрожающе быстро наполнялась едким дымом. Плавающие шторы передали огненную эстафету оконным багетам, и огонь, разбегаясь по деревянным карнизам, отделанным шпоном, уже коптил потолок. Не хватало воздуха. Какой-то энтузиаст, взяв стул, начал бить стекла в окнах.

У Мезинского от происходящего волосы встали дыбом. Он, с красными от дыма глазами, бросился вместе с ассистенткой снимать со стен живописные холсты, которых огонь только чудом еще не успел коснуться. Сотрудники Christie's из отдела антиквариата тем временем доставали с витрин прочие экспонаты. Поднятые со своих мест статуэтки, кубки, клинки и множество других предметов с тончайшими инкрустациями засверкали, озаренные пламенем.

— Вот, держи! — рывкнул Валерий Александрович, передавая коллеге небольшой эскиз Лихтенштейна. — Да не так же! Поверни холсты красочным слоем друг к другу! Вот! Дали и Матисс у нас в другом зале? Так... Херст, Рихтер... О! Бог ты мой!

Огонь уже лизал раму «Абстрактного полотна».

Мезинский кинулся к картине, как не пойми откуда взявшийся сотрудник музея хорошенько окатил ее струей из огнетушителя: по неосторожности не только раму, но заодно и полкартины.

— Ты что творишь?! Черт бы тебя побрал! — хрипел в бешенстве Валерий Александрович.

— Он влил в нее новое измерение! — заступился за работника оказавшийся рядом Ларин. — Ильич, ты теперь в соавторстве с Рихтером!

— Да он у тебя всю жизнь не расплатится за этот холст!

— Без паники, — огрызнулся Иван Андреевич, он тоже был на грани срыва. — Наши огнетушители следов не оставляют!

— Этой картине как раз не хватало последнего штриха! — нервно хихикнул Кристофер.

Мезинский с ненавистью посмотрел на потомка декабристов, посылая взглядом: «Да чтоб твой дом сгорел дотла!» Чувствовал себя он очень скверно — ссадина под пластырем невероятно ныла. И вдруг яркой вспышкой мелькнула мысль о граале: экспонат-то ведь остался у реставратора! «Ничего, эта сволочь далеко не уйдет...»

Тут подбежали двое молодых людей. Оба запыхавшиеся, глаза слезились, один держал в руках картину.

— Валерий Александрович, куда эвакуировать остальные произведения? Выносить на улицу?

— Вы что, сбрендили, что ли?! Какая улица? — гаркнул аукционист. — Складируйте пока в кабинете у директора. — Он взглянул на картину. — На кой черт вы сняли Айвазовского?

— Еле успел спасти! В том зале тоже дымит всюю!

— Что?! — ахнул аукционист.

Казалось, рыжеволосый аферист дернул рычаги неведомого механизма, обрушившего в одночасье на Валерия Александровича все мыслимые и немыслимые беды, какие у иного человека его круга не случаются и за всю жизнь. Но на то он и был директором Christie's — маститым искусствоведом с рубином вместо сердца, закаленным жизнью и профессией, как один из тех клинков дамасской стали, бывших частью сегодняшней экспозиции, — что не потерял присутствия духа и моментально сориентировался.

— Ребята, выносите все на улицу! — Затем повернулся к ассистентке: — Мари, звони в офис, пусть срочно организуют транспорт! Пока кладируйте все в

нашу машину! — Он обратился к одному из двух парней: — А ты чего стоишь? Снимаем Рихтера — и на выход!

Не без труда они сняли громоздкое двухметровое полотно и понесли его к выходу. Находиться в чадающем пекле стало уже невыносимо: огонь возобладали над усилиями отчаянных работников музея, которые все еще пытались как-то сбить пламя.

В коридоре было не лучше. Штукатурка во многих местах осыпалась с потолка, обнажив балки чердачного перекрытия, между которыми сочился густой белый дым. Стояли треск и шипение. К ужасу своему сообщив, что это горит чердак, Мезинский прохрипел на ходу сорвавшимся голосом, что нужно ускориться и быстрее спасти оставшиеся полотна. Но его никто не услышал. Хрипы его потонули в перекликающихся возгласах людей, реве пожарной сигнализации и в нарастающих с каждой минутой завываниях целого хора сирен, которые доносились с улицы через разбитые стекла. К музею стягивались значительные силы: пожарные расчеты, аварийные бригады, автомобили полиции и кареты скорой помощи.

Обилие спецтранспорта на подступах к дому полностью парализовало дорожное движение на Старой Басманной.

ГЛАВА I

«Я решила написать потому, что, наверное, это будет не так больно. Ни мне, ни тебе. Сейчас я вряд ли смогу смотреть в твои глаза...»

В последний месяц жизнь проходит точно во сне, словно это заколдованная пьеса. И я не могу противостоять ее магии или его оболъщению. Он владеет моим телом, может быть, и душой, но не сердцем...

Люблю и поэтому ухожу, потому что не хочу погубить тебя вместе с собой...

<...>

*Твоя Мари
24.05.2013»*

Они растались посреди бульвара в знойные послеобеденные часы молодого еще июня. Она пошла в сторону Арбата, он — в сторону набережной. И липы благоухали им вслед...

Молодой человек одиноко шел по бульвару, смотрел на прохожих, на экспозицию аляповатых картин, развешенных на стендах вдоль аллеи, на ее уходящую вдаль перспективу. Под ногами шуршала каменистая крошка бульварного покрытия, а жизнь вокруг струи-

лась неиссякаемым пульсом будничного дня. Да, жизнь не остановилась, текла в своем обыденном русле. Но тем явственнее ощущал Витя свой новый статус. Его одолевало чувство, подобное холодному огню, который опалял, лизал изнутри, вызывая то душевный зуд, то неопределенное томление. И то и другое доставляло одинаковую боль.

«Вот она, онтология!» — сокрушенно восклицал он про себя, но ничего не мог поделать с новым состоянием, с которым надлежало ему теперь свыкнуться. Онтологией он условно именовал власть некоего жизненного закона. Закон довлел над ним, связывал невидимыми путями его дух и тело, временами как будто изменяя даже сам состав его крови.

Не помня себя, Витя прошел Гоголевский бульвар, пересек Волхонку и, поднявшись к храмовому комплексу, ступил на брусчатку. Перед ним предстала громада златоглавого собора. Обходя его справа, он бросил безучастный взгляд на раскаленные бронзовые горельефы ангелов, грозно восседающих по сторонам арочных проемов, словно плывущих в волнах летнего зноя. Спустя несколько минут Витя взшел на Патриарший мост.

Открытый речной простор отражал небо в переливах зыбкой серо-голубой глади, тронутой бесчисленными бороздками волн. Ближе к мосту эти бороздки переходили в пенящиеся бугры мутной воды грязного болотного цвета. Временами налетал свежий ветерок, доносил запах реки и трогал лицо молодого человека приятным веянием, в то время как солнце усердно палило ему спину.

Давно на его памяти не выдавалось такого знойного лета. И жара отвлекала даже от изматывающего копошения внутри себя, от назойливых мыслей, которые вращались все вокруг одного и того же. И зачем он вообще пришел на этот солнцепек? Полюбоваться себе назло «фирменными» столичными видами? Нарочно добавить остроты своим переживаниям от посещения места, которое неуклонно возвещало о белоснежном платье, кольцах, трепетных обещаниях и поцелуях... Ведь, запечатлевая торжество взаимных надежд, проходила здесь два года тому назад памятная фотосессия.

А виды и вправду роскошные! Хрестоматийные! С какой еще стороны, как не с этой, Кремль так картинно обнажает архитектурные прелести? За Каменным мостом чинно стоят его гранатовые башни и смотрят ввысь зелеными шпилями, увенчанными звездами. С правой стороны Большого Кремлевского дворца, пронзающего небо золотой иглой, радуется глаз чудесное созвучие налитых золотом куполов, три из которых составляют особенное гармоническое единство. Так, по крайней мере, всегда казалось Вите.

Коренилась ли причина в его новом состоянии, душевной ли опустошенности или просто в пребывании под раскаленным в зените ослепляющим диском, только ему почему-то все виделось будто под другим углом: тонкий вытянутый флагшток Кремлевского дворца вызвал у него неожиданную ассоциацию с иглой шприца. Сделав несколько шагов в сторону, к середине моста, он поднял глаза и — о боже! — увидел, что вершину золотого купола Архангельского собора вместо креста венчает пятиконечная звезда!

Ах нет... это всего лишь он так «удачно» встал, что в один ряд сошлись Спасская башня на заднем плане и купол собора на переднем, причем крест как бы сливался со шпилем башни позади.

Подивившись открытию, Витя снова сосредоточился на острие золотой иглы, как вдруг его внимание привлекла маленькая, еле заметная белая точка, медленно ползущая по небу на очень большой высоте в направлении моста, на котором он стоял. «Самолет, что ли?» — подумал он. Странная точка, однако, не пожелала быть ни самолетом, ни воздушным шаром, ни чем-то иным, а попросту взяла и повисла в вышине перед озадаченным Витей. Висит себе эта точка и все тут. И хоть ты тресни.

В солнечный погожий день сложно порой и на мгновение поднять на небо глаза, Витя же, шурясь на непонятный объект, то опускал взгляд, давая слезящимся глазам передохнуть, то возводил их снова вверх, настолько разыгралось его любопытство. И стало ему казаться, что это и не точка вовсе. Края ее были аморфны, окружены изменчивым ореолом, и тайлось в ней что-то притягательное, завораживающее, причем чувство возникало какое-то странное, скорее, нехорошее.

Вдруг дневной свет стал неожиданно меркнуть, ноги у молодого человека подкосились, и Кремль вместе со всей панорамой качнулся и поплыл куда-то вверх, тогда как мост, словно корабль во время шторма, стал раскачиваться и крениться боком к реке. Витя судорожно схватился за перила, чтобы удержаться от падения в безжизненную водную стихию, которая разверзлась пред ним в зеленовато-бурых перекатах речных дон.

Он поочередно делал глубокий вздох и ровный выдох, ощущая на себе тревожные взгляды прохожих. Вроде отпустило. Еще чуть-чуть — и, наверное, потерял бы сознание.

— С вами все в порядке? — с беспокойством осведомилась пожилая женщина, стоявшая неподалеку. — Вы ужасно бледны.

— Спасибо, вроде все хорошо. Солнце, наверное, припекло, — рассеянно отозвался молодой человек, но тут же спохватился: — Извините, а вам не кажется странной эта точка в небе?

— Какая точка?

Но он и сам уже ничего не находил, тщетно вперяя глаза в пылающую синеву небосвода.

«Фу ты черт!» — посетовал Витя мысленно.

— Смотрите, так ведь и солнечный удар можно получить! — напутствовала женщина, отходя.

Инцидент привел Витю в замешательство. Галлюцинация? Или какой-то оптический обман? Но ведь ни разу с ним не случалось такого совершенно безудержного головокружения, и никогда так не темнело в глазах. Вот до чего могут довести расшатавшиеся нервы! Да еще эта работа... И надо же так случиться, что небо, которое не переставало поражать стихийной мощью и красотой и за которым, в силу своей профессиональной деятельности, он непрестанно следил, опять устроило ему фокус! Но не может быть, что это повторение того случая, ведь сейчас даже не ночь... Неужели такое может произойти среди бела дня в центре Москвы?! Молодой человек содрогнулся. И неужели у него только что повторились *ее* симптомы... Эх, зря они тогда с Мари вместе не сходили к психологу — к хорошему психологу, как советовал Крайнов. Но тогда он думал, что дело только в ней, и отвел ее к другому специалисту, который и предложил свой «прогрессивный» метод. А чем теперь все это закончилось?

Да, плохи дела. Никогда еще так остро он не ощущал, что находится в шаге от черты, разделяющей здоровую повседневность и манящее зазеркалье помраченного ума с кружащимися, расплывчатыми, мечущимися, как блики по стеклу, мыслями. И вот уже крупница за крупницей душу заполняет небытие...

«Стоп! Так дело не пойдет! Завтра же напишу заявление на отпуск и... наверное, все-таки стоит попробовать сходить к тому психологу», — подумал он и, ухватившись за спасительную соломинку, пустил мысли в безопасное и успокаивающее русло. Хотя не больно-то он доверяет всем этим психологам, психотерапевтам, психоаналитикам. Совсем не доверяет! Но любопытства ради почему бы не сходить? Так, развеяться... Ведь Крайнов рекомендовал специалиста, к которому и сам частенько обращался. А заодно лишний раз будет возможность высказаться, все равно ни о чем другом сейчас не получается ни думать, ни говорить. И может, даже удастся стряхнуть с себя это ядовитое оцепенение, парализующее волю и чувства.

«Сегодня же позвоню Крайнову и узнаю его телефон», — решил Витя и, пошатываясь, двинулся с моста обратно в сторону бульвара.

В это время Мари сидела в небольшом ресторанчике у Арбатских Ворот и за чашкой кофе листала новенький каталог юбилейной выставки «Кристи», торжествен-

ное открытое которой должно было состояться уже на следующей неделе. Мари помогала в ее организации, и все последние дни проходили в дикой суете. Написание пресс-релиза, искусствоведческих статей и подготовка презентации для гостей были только частью ее задач, самой приятной, надо сказать. Параллельно с этим необходимо было решать массу других рутинных вопросов, что отнимало уйму времени и сил.

Несмотря на кипучую деятельность, после обеда она все же смогла выкроить полчаса для встречи со своим мужем. Они не виделись почти месяц, и встреча оставила горькое послевкусие. В мыслях вставало Витино бледное лицо. Черты его за время разлуки заметно обострились: осунувшиеся щеки подчеркивали резкие контуры скул, серо-голубые глаза, когда-то исполненные любовью, теперь казались выцветшими. Она чувствовала в них душевное терзание и боль, которую ему причинила.

Хотя Витя старался держаться бодро, пробовал даже шутить. Он все такой же отчаянный романтик, а вот ей уже никогда не стать прежней.

Месяц назад, оставляя послание, она думала, что расставание пойдет во благо, что это просто горькое лекарство. Но оказалось, то было сродни хирургической операции. Ей словно вырезали целый кусок души. В какой-то момент внутри будто что-то шелкнуло, и произошел метафизический перелом: она обнаружила, что ее эмоции вытесняются в сферу художественного. Люди со своими мелкими мыслями и ощущениями стали удивительно напоминать ей живописные холсты. Она глядела на их матовые лица и видела ожившие картины. Иногда даже достраивала в воображении раму. Поначалу это забавляло ее, но потом стало тошно.

Кто она теперь? Потерявший душу искусствовед? Или актриса, играющая последнюю роль в драме жизни, которая обнажилась перед ней в самых уродливых и гротескных формах? Драма была повсюду. Развязка predetermined. Остался ли хоть малейший шанс сохранить свое «я»? Бросить играть роль, предначертанную ей судьбой?

Короткая передышка подходила к концу.

Мари помешала ложкой кофе. Остатки молочной пенки на его зыбкой поверхности обрели поразительную глубину. В текучих пенистых разводах кофейного вихря проступил Млечный Путь, затеплились звезды. Не первый раз возникали космические видения. После той роковой ночи в театре они неотступно преследовали ее и наравне с другими болезненными образами бредили сознание.

Девушка сделала последний глоток и подала официанту знак рассчитать. Скоро за ней заедут и повезут на следующую встречу, в особняк Муравьева-Апостола.

Там нужно будет согласовать с декораторами ряд востановку по оформлению зала.

В ожидании машины она снова переключилась на каталог. Бесцельно листала его, бегло скользая взглядом по репродукциям картин и описаниям лотов. Над некоторыми статьями она начала работать еще зимой, до их расставания.

«Лот № 20... На картине изображен момент заката во время всеобъемлющего огненного заката. Эта крупноформатная работа демонстрирует подлинное мастерство художника в передаче атмосферы и настроения моря. Весь холст охвачен пылающими красками уходящего солнца, которое отбрасывает на зеленовато-голубую водную гладь маслянистую полосу золота, а его теплые лучи окрашивают каменный берег на переднем плане в мягкие розоватые тона. Величественная панорама морского простора захватывает зрителя. Ощущение бескрайности усиливается благодаря тонкой трактовке перспективы и особой передаче света, напоминающей манеру импрессионистов. Печальная стая птиц, летящая навстречу горизонту, и фигуры людей на берегу наполняют художественную композицию вечерней задумчивостью...»

Что-то нарастало внутри, поднималось к глазам. И уже размылись слова, расплылись строки, и на страницу каталога капнула крупная слеза...

ГЛАВА II

Он и она шли, держась за руки, по неухоженной улочке. Деревья вдоль тротуара росли не густо, но их ветви смыкались над головой, образуя зеленый навес, через который рыжими бликами прорывались солнечные лучи. Предвечернее солнце молодило листья, озаряя их мягким и теплым светом.

— Как красиво! Как красиво! — радостно восклицала она. — Ну что ты смеешься? Ты же знаешь, как я люблю такое освещение!

— Конечно, знаю, — с нежностью ответил молодой человек. — Ты и сама сейчас как будто светишься!

Девушка улыбнулась и выразительно посмотрела на своего спутника. Глубокие зеленовато-карие глаза заискрились счастьем.

Она была в ситцевом сарафане небесно-голубого цвета и выглядела в нем очень статно: легкая ткань облегла женственную, хорошо сложенную фигуру, а изящная талия, волнительно подчеркивая привлекательные формы, смотрелась даже неестественно тонкой и составляла пикантную ее особенность.

— Вить, а долго еще идти до твоего «места силы»?

— Нет, недолго, — сказал он, любуясь ее распущенными темно-каштановыми волосами. — Уже подходим.

— Обсудим пока наши приятные хлопоты?

«Приятные?» — недоверчиво отозвалось у него внутри.

— Платье, ты говоришь, уже нашла?

— Платье, да. Эх! Когда ты увидишь меня в нем... Но до церемонии тебе нельзя.

— Почему нельзя?

— Примета такая. А вот с обувью проблема. Не знаю, куда вдруг подевались все белые туфли на низком каблучке. Как нарочно попадают со средними или совсем уж с высокими каблучищами!

— Лучше, конечно, невысокий каблучок, — заметил молодой человек. — Небольшая разница в росте не бросится в глаза. Хотя мне, например, даже нравится, если девушка немного выше.

— Я знаю, милый.

Молодые люди свернули вправо и прошли через небольшую калитку в изгороди, сплошь оплетенной какой-то вьющейся растительностью. За ней началась узенькая мощенная булыжником дорожка, которая вывела их к старинным постройкам — настоящему воплощению старорусского зодчества. Двухэтажные палаты с широкой каменной лестницей примыкали к въездным воротам, а прямо над воротами был устроен небольшой терем с нарядным фасадом и двумя узкими оконцами. Поодаль стояла большая церковь с пяти куполах, соединенная с воротами массивной стеной, по верху которой шла крытая переходная галерея.

— Ну вот мы и пришли. — Витя с любопытством глянул на свою спутницу в предвкушении ее реакции.

— Вот это да... — заворуженно произнесла она, щурясь на лучистые купола. — Никогда бы не подумала, что недалеко от центра есть место, где так сохранился дух старины!

Несмотря на живой темперамент, Марьяна принадлежала к замкнутому типу натур и многое держала внутри. Как понял Витя за год их знакомства, это не являлось проявлением скрытности, скорее, говорило о невозможности разобраться в себе, понять истоки беспричинного волнения. А когда временами неосознанное подступало ближе к сердцу, тихие слезы появлялись в ее глазах. Причем нельзя было сразу понять, слезы это радости или печали.

— Да, архаичное место, — согласился Витя. — Настоящее место силы! Раньше здесь был монастырь. А потом чего тут только не было! Особенно в советские годы. Сейчас большинство построек в состоянии запустения — все никак не могут реставрацию завершить. Но есть две действующие церкви.

— А где вторая? — поинтересовалась Марьяна. — Я вижу только одну.

— За этим облезлым зданием. Там есть домовая церковь.

— Похоже на монастырские палаты... В прошлом году у нас был курс по древнерусской архитектуре. Вот куда надо было сходить для вдохновения на реферат!

— Ничего, вдохновение тебе еще потребуется! Поойдем ближе?

Приблизившись к постройке, Витя первым делом стремительно забежал по широкой лестнице на уровень второго этажа. Наверху молодой человек на всякий случай толкнул старинную резную дверь, убедился, что она наглухо закрыта, и спустился вниз. Затем подошел к небольшому восьмигранному окошку в боковой стене лестницы. Сквозь тусклое стекло открылась картина подлестничного помещения: оно сплошь было заставлено сломанной мебелью, а на одном из покосившихся столов лежал узел тряпья. Выглядело это довольно гадко, и Витя через секунду поспешил к Марьяне, которая наблюдала за его сумбурными метаниями с долей скепсиса во взгляде.

— Ну и что ты там интересного увидел?

— Мне показалось, там за столом сидит какая-то фигура в рясе...

— Витя, опять ты начинаешь! — Неожиданное раздражение в голосе. — Мне неприятно это слышать.

— Не понимаю, зачем так реагировать?! Какие страхи могут быть здесь среди бела дня.

— Просто тут действительно чувствуется особенная атмосфера, — сказала она, задумчиво глядя на старинное здание, — сами стены как будто шепчут... а ты своими шутками только тревожишь их спокойствие.

Древняя постройка обнажала неоднородную кладку темно-бурого камня, в которой заплатами смотрелись вкрапления более поздних кирпичных вставок.

— В свадебном путешествии ты тоже будешь такая напряженная? — недовольно пробурчал молодой человек. — В Италии ведь еще похлеще виды будут.

Но вдруг заметил тень задумчивости на ее лице.

— Да ладно, не грусти ты! — ободряющим голосом сказал он, зная, как легко ей впасть в уныние, которое потом надолго может ее сковать.

Марьяна посмотрела серьезным взглядом, но тут же улыбнулась.

— А я и не грущу! — мечтательно проговорила она. — В нашем путешествии будет все по-другому. Мы с тобой перенесемся в эпоху античности! И ты станешь моим Аполлоном, а я твоей Музой.

Прелестные губы слегка дрогнули, призывая к себе, и Витя с упоением к ним прильнул.

— Но античность, насколько я понимаю, ведь еще древнее! — вымолвил он, слегка опьяненный поцелуем.

— Древнее, но мне все равно ближе. В ней меньше этой средневековой угрюмости.

Немного задумалась.

— Вить, а ведь здесь можно снимать самый настоящий фильм! Какой-нибудь сказочный фильм про десятое царство.

— Над царством сгушалась тьма и...

— Ну хватит, хватит! — капризным и одновременно трогательным голосом перебила она. — Говорю же тебе, Витя!

Но Витя и сам не знал, отчего его, как нарочно, так и подмывало сейчас испытывать ее восприимчивую психику.

Они продвинулись дальше и, минуя заросли шиповника, наткнулись на запущенную клумбу. Среди доминирующих сорняков цвели розовые гладиолусы, одичавшие маргаритки и даже несколько кустов лилий. То тут, то там на клумбе оранжевыми огоньками скромно загорались бархатцы.

— Надо же! — оживилась Марьяна. — Похоже, цветы растут сами по себе. Здесь сложилось настоящее цветочное сообщество! Цветы ведь как люди. Тоже могут дружить друг с другом или враждовать.

— Ты серьезно? — удивился Витя.

— Да. Посмотри на эти чахлые маргаритки, — сказала она, склонившись над цветами и проникаясь их терпким ароматом. — Соседство с лилиями им явно не на пользу. Лилии их душат. А бывает даже, что на клумбе вместе могут уживаться, а в вазе или в букете один цветок убивает другой. Нарциссы в два счета убьют тюльпаны, а затем и сами скоро увянут.

— Сколько ты знаешь про цветы, Марьяночка! Ты, оказывается, не только искусствовед, но еще и самый настоящий флорист!

Иногда он говорил с ней как с ребенком, отчасти копируя ее по-детски наивную интонацию.

— Опять ты смеешься! Я ведь уже рассказывала. У моей мамы на даче столько разных цветов! Жаль только, что ты все никак не доедешь, а то бы увидел такую красоту!

— Обязательно как-нибудь вместе приедем.

— В прошлом году у нас выросли огромные белые лилии. Как мы ими все любовались, наглядеться не могли. Но однажды приходим на участок, а цветов нет! Представляешь? Только увидела перекопанное место, сердце мое так и сжалось! Эх...

— Да, наш мир полон зла, — сочувственно произнес Витя. — И часто зло одерживает верх.

— Как же так?! Неправда! — воскликнула Марьяна. — Добро почти всегда побеждает зло!

— К сожалению, это только в сказках бывает, а в реальности все намного печальнее. Когда даже близкие люди порой причиняют друг другу боль!

— Неужели все так сложно? У нас же такого не будет?

Он увидел зарождающиеся в ее глазах слезы.

«Какая у нее все-таки хрупкая, чувствительная душа», — подумалось ему.

— Эх... — печально вздохнула девушка. — Я бы много отдала за то, чтобы жить в другое время... Представлял ли ты себя когда-нибудь живущим, например, в девятнадцатом веке? Тогда люди были намного благороднее, чем сейчас.

— Ты думаешь, люди были другие?

— Постой, — насторожилась Марьяна. — Ты слышишь?

Молодые люди прислушались.

Из-за угла старинного здания, куда убежала тропинка, послышался протяжный женский дуэт. Это было настолько необычно и одновременно так естественно, что, казалось, одухотворяло вековые стены и переносило в прошлое.

Движимые любопытством, они пошли на звуки голосов и, повернув за угол, оказались в небольшом дворе. Его пространство ограничивалось с правой стороны монастырскими палатами, а с левой — угрюмым одноэтажным зданием, мрачность которого усугубляли решетки в узких, глубоко ушедших в стену окнах. На другом конце двора была лавка, на которой расположились несколько людей довольно сомнительной наружности. Чуть поодаль от лавки у крутой деревянной лестницы, ведущей на второй этаж монастырских палат, стояли две юные девушки и разучивали церковные песнопения. Склонившись над подставкой с нотами, они временами прерывались и после каких-то пояснений, которые одна девушка давала другой, начинали петь вновь. Обе худенькие, в скромных платьицах, с косынками на головах, они напоминали двух серых птичек.

Молодые люди остановились на мгновение в нерешительности, а затем, поскольку отступать было уже поздно (один тип на лавочке так и вперился в них взглядом), неспешно пошли по двору.

— Очень мрачное место, — прошептала Марьяна, робко осматриваясь вокруг.

— Видишь эту лестницу? — заметил Витя. — Она как раз ведет в домовую церковь.

— А что в здании слева?

— Ну, — рассеянно ответил он, — тут располагается служба реабилитации пострадавших от сект, целителей и прочей нечисти. Я смотрю, у них даже вывеска появилась.

«Душепопечительный центр во имя Св. Иоанна Кронштадтского» — гласила табличка у обитой железом входной двери.

— Одна моя знакомая проходила здесь реабилитацию.

— Какая знакомая? — насторожилась Марьяна.

— Потом расскажу.

— Нет, раз уж начал... — Она не договорила и покосилась на дверь.

Оттуда послышались шаркающая поступь и крихтение. Молодые люди едва успели отойти в сторону, как дверь отворилась и на крыльце появилась грузная женщина с одутловатым, покрасневшимся лицом — то ли от недавних слез, то ли от пристрастия к выпивке.

— Вы к отцу Василию? — сирым голосом спросила она у молодых людей.

Они отрицательно покачали головами.

— Он просил обождать пять минут, — продолжала женщина, не обращая внимания на ответ.

Затем, охая и вздыхая, поковыляла в сторону деревянной лестницы, что-то бормоча себе под нос. Ее причитания растворились в звуках песнопений.

Душе моя, душе моя,
Восстани, что спиши?
Конец приближается, и имаша смутиться...

— Вить, а пойдём-ка, наверное, отсюда, — негромко, но очень настойчиво произнесла Марьяна, беря за руку своего спутника. — Мне здесь совсем не нравится.

— Ладно, ладно. Уже идем.

Но тут один из странных типов, который с самого начала пристально следил за непрошеными гостями, вдруг снялся с лавочки и направился к молодым людям.

— А-а-а... Здравствуй, молодежь! — разразился он, скаля рот в безобразную улыбку, обнажавшую остатки полугнилых зубов.

Жиденькая рыжая бородка его лоснилась; маленькие глаза по-плутовски бегали, но иногда на несколько секунд застывали в пронизывающем, колючем взгляде, — такая нагловатая крысиная мордочка, а не человеческое лицо.

— На исповедь к отцу Василию пожаловали? Или, может, за советом каким?

Витя немного растерялся, не зная даже, что ответить этому нагло ухмыляющемуся, неизвестно из какой дыры вылезшему оболтусу.

— Слушайте, мы тут не к вам, собственно, пришли, — сказал Витя дрожащим от возмущения голосом, стискивая Марьянину руку.

Все свое негодование он выплеснул в презрительном взгляде.

Девуцы у лестницы в очередной раз прервали пение, но начинать снова не торопились и с любопытством наблюдали сцену.

Незнакомец, однако, вдруг резко переменялся, нагловатая ухмылка и весь задор исчезли с его лица.

— Э, мил человек, гордыня твоя тебя надмевает! По взгляду вижу: ты меня и за человека-то не считаешь. Так ведь? А красавица твоя, скромница-умница, что сникла-то совсем?

— Вить, пойдём уже отсюда!

— Виктор? А меня Трифон зовут.

— Что вы привязались к нам, в самом деле?!

— Обожди, мил человек, я тебе дело скажу. Видел ли ты, Виктор, когда-нибудь то, что в тихом омуте водится? Нет? А я видел! Я ведь людей насквозь вижу... — сказал Трифон, замороженно глядя на Марьяну своими крысиными глазами.

У Вити зачесались кулаки, и ужасно захотелось дать в морду дерзкому голодранцу.

— Не принимайте его речи близко к сердцу, — слышался за спинами молодых людей приятный глубокий голос.

Они повернулись и увидели в дверях священника — в сером подряснике, статного, с большим крестом на груди. Аккуратно подстриженную бороду, как и его виски, уже тронула седина. Очки на носу придавали священнику вид интеллигентный, даже ученый.

— Эх, Трифон, Трифон. Не успел на путь истинный встать, как из себя юридиков строишь! — с укором сказал он и сурово добавил: — Ты что молодежь смущаешь?

Тот сразу весь как-то сжался и пристыженно опустил глаза. А священник снова повернулся к молодой паре.

— А вы, молодые люди, первый раз на нашем подворье?

— Мы просто гуляли рядом и зашли посмотреть, — растерянно ответил Витя.

— Ну ясно. — Священник с отеческой теплотой посмотрел на них. — У нас здесь хорошо. Умиротворение, никакой городской суеты.

Быть может, он хотел еще что-то добавить или ожидал от молодых людей какого-то вопроса, но им было не по себе, да и не нашлось слов, чтобы нарушить эту, как им казалось, неловкую тишину.

— Извините, нам уже пора, — наконец смущенно проронила Марьяна.

Она осторожно потянула Витю за руку, но тот застыл в нерешительности. Его вдруг осенило. «Может, возьмем благословение на женитьбу?» — еле слышно прошептал он ей.

— Вить, лучше пойдём, — ответила она, боязливо косясь на Трифона. — Потом как-нибудь...

Трифона аж перекивило.

— И ты даже благословения у отца Василия не испросишь? — Он презрительно фыркнул. — Люди издалека приезжают сюда за советом, за благословением. В очереди стоят, а ты...

— Полно тебе возноситься! — прервал его священник. — Стяжай сначала дух смирен, прежде чем других поучать.

— Да я так, — оправдывающимся тоном начал он. — Отец Василий, борюсь, борюсь с собой! Но слабо окаянное нутро. Временами аж так и нахлынывает... Ничего не могу с собой поделать! Враг где-то поблизости рыщет... Чую их, нутром чую! Вон у нашей скромницы-то из-за плеча выглядывает один. Да еще и рожу корчит! Вот зараза! А вон другой... — Зрачки его невероятно расширились, он стал дико озираться по сторонам: — Ба! Да они вокруг нее так и вьются, как змеи! Целое собрание! А ты куда лезешь, дьяволово отродье?!

Трифон отшатнулся назад, словно получил невидимый толчок, и вдруг задрожал всем телом в истерическом припадке.

— Окстись! Окстись! — хрипел он, делая неистовые движения руками, как бы отмахиваясь от назойливых мух.

Витя и Марьяна уже не могли смотреть на все это безобразие и, ошарашенные от неприятной сцены, скорым шагом направились прочь. Позади до них доносились лишь возгласы полоумного и беспокойные слова священника:

— Эх, Тришка! Ты что же это, опять за старое принялся, подлец!

ГЛАВА III

«Небо, небо... Какие поразительные картины явило ты мне всего несколько минут назад! (Сейчас еще видны их следы, смутные очертания, но ежесекундно чары рассеиваются, а краски блекнут в набирающем силу дне.) Небосвод покрывала нежная вуаль, которая, взмывая ввысь, растворялась в его бирюзовых глубинах. Стягиваясь к рассветному горизонту, эти ванильные разводы сначала загорались огненными прожилками, после чего растекались золотыми брызгами...

С пятнадцатого этажа небо кажется ближе. А панорама города величественнее — настоящий театр под открытым небом! Вот уже заискрилась звезда на шпигеле МГУ (верный признак того, что солнце выглянуло из-за крыши домов). За ним чуть в стороне засверкали современные

высотные стекляшки «делового» муравейника, но сейчас там совсем нет суеты. Москва только пробуждается. На Вернадского почти нет машин, улицы пустуют. Какая удивительная минута утреннего затишья... Лишь издали, где из густой дымки, которая пока застилает центр (но уже скоро растает), выглядывает Останкинская телебашня и своим острием цепляется за ключья проплывающих мимо облаков, — лишь оттуда доносится смягченный фон города.

А сколько разных судеб ежедневно переплетаются, сливаются, разъединяются в твоих объятиях!.. Но где же ты, мой милый? Услышь меня! Почувствуй биение моего сердца, дыхание моей души, прежде чем взгляды наши встретятся! Если ты только существуешь в этом мире, если ты только есть в этом многомиллионном мегаполисе...

Мар-Т. 18.05.2010»

— Так, устраивайся поудобнее... Да хоть ноги под себя подогни или колени руками обхвати. Главное, чтобы не было никакого стеснения. Ничего, если мы перейдем сразу на ты? Отлично!

Витя поерзал на широком диване с низкой спинкой и, следуя рекомендации, постарался раскрепоститься. По правде сказать, ни одно из положений, которые ему удавалось принять в обволакивающей мягкости дивана, не приносило расслабленности. Наконец он просто сделал непринужденный вид, как будто удобно устроился.

— Ну вот, замечательно! — довольно сказала психотерапевт, дородная женщина с удивительно мягким глубоким голосом.

Несколько вытянутое ее лошадиное лицо с туго зачесанными назад густыми темными волосами, открывающими высокий лоб, обострялось ярко выраженными скулами, узким подбородком и сосредоточенным взглядом чуть раскосых глаз. Как показалось Вите, во внешности ее сквозили восточные, а то и цыганские черты, и его это не очень-то располагало, скорее, настораживало.

— Александр мне давно советовал к вам обратиться, — вздохнул молодой человек. — Но не знаю, боюсь, сейчас уже слишком поздно...

— Жизнь ведь не игра в случайность, поверь. Раз ты здесь и сейчас — значит сейчас самый правильный момент для нашего разговора. Поэтому никогда не бывает слишком поздно. Но не жди чуда извне. Многие, придя ко мне, ожидают таинственной власти над своим эмоциональным состоянием или хотят, чтобы я их обучила каким-то специальным приемам. Но большинство не догадываются, что главное чудо совершается внутри...

Она не была особенно красива, но пребывала в том самом возрасте, какой принято считать расцветом женского очарования: драматический момент, который на-

ступает раньше или позже в жизни каждой женщины, когда пик внешней красоты уже пройден, но внешняя сторона сполна дополняется внутренним обаянием, ловкостью манер, знойностью и терпкостью интонаций, как мимолетная вспышка августовской розы, напоследок особенно пышно цветущей, перед грядущими бурями осени.

— А иногда бывает даже, что в порыве вернуть ушедшую любовь некоторые обращаются ко мне, — она загадочно улыбнулась, — чуть ли не за рецептом приворотного зелья! Так я это называю. Но это явно не по адресу.

«Крайнов ей, поди, все о нас рассказал...» От этой догадки Вите стало не по себе.

— Тогда как мы построим наше общение? Смотри: мы заглянем в глубины твоего «я» и раскопаем тайные истоки всей этой ситуации, отыщем скрытые пружины того, что произошло. И вот здесь место моей власти...

Она еще говорила что-то про магию человеческих отношений, про то, как внутреннее влияет на внешнее... На окне были сдвинуты батистовые шторы. Кольшемые легким сквозняком, они смягчали полуденное солнце, создавая в комнате мягкую, приглушенную атмосферу, которая настраивала на доверительный лад. К этому же, видимо, были призваны и стены, точнее, специально подобранные обои, которые своей палитрой переливающихся тонов — от нежно-зеленых и салатных до холодноватых, безмятежно-морских — давали обращенному на них взору пищу для фантазии и отдохновение. «Море, море... Прямо в тему обои», — подумал Вита.

То был рабочий кабинет на дому. Незатейливую обстановку, в которой, однако, чувствовалось присутствие хорошего вкуса, составляли, кроме упомянутого дивана, аккуратный письменный стол и небольшой стеллажик с книгами. Сколько бы Вита ни скашивал свой взор на заманчивые корешки, ему все попадались добротные издания твердого переплета, и, по-видимому, коллекция составляла гордость хозяйки. Но в расстановке книг сложно было определить какую-либо систему: классические труды по философии и психологии мешались с различными медицинскими справочниками и разбавлялись художественной литературой. На одной полке, к примеру, рядом с внушительным пятнадцатитомным собранием сочинений Юнга (в которое непонятно каким образом, то ли по случайности, то ли нарочно, затесался Рудольф Штайнер со своей антропософией) стояли «Пир» Платона, справочник по гомеопатическому лекарствоведению, тут же к нему прижимался гетевский «Фауст».

— Предлагаю начать. — Мягкий голос отвлек Витю от книг.

Он и сам давно уже хотел приступить к сеансу, но теперь слова эти почему-то взбудоражили его.

— Да, да, конечно... Я с собой даже захватил кое-какой материал, — Он достал из сумки ежедневник в кожаном переплете. — Это дневник моей жены.

На мгновение он приободрился, но вдруг что-то кольнуло в самое сердце: на время притупившаяся боль снова дала о себе знать, и вся драма в одночасье промелькнула перед глазами.

— Мы имели настоящее сокровище, — дыхание молодого человека перехватывало от волнения, — и не смогли его сохранить!

Он запнулся, с трудом пытаясь совладать с нахлынувшими эмоциями.

— Не сдерживай себя, — сказала Диана с покровительственными нотками в голосе, — мужские слезы очень многого стоят. И сейчас самое время рассчитаться этой монетой.

Еще чуть-чуть, и у Вити от этих слов задергался бы левый глаз.

И зачем он вообще сюда пришел? Неожиданное отторжение ко всему раскрепощающему антуражу возникло в его душе, как будто он разом увидел в нем притворство и фальшь.

Через минуту, все же справившись с эмоциями, он произнес:

— До сих пор не могу понять: как все могло так случиться?!

— Расскажи лучше про начало ваших отношений.

— О, это удивительная история! Нас свела судьба, по-другому не скажешь. Вы зря улыбаетесь. Ведь как еще объяснить, что мы встретили друг друга дважды в этом огромном городе, среди сотен тысяч людей? И в совершенно разных местах. То есть второй раз мы просто не сразу узнали друг друга. Как бы это лучше рассказать... В общем, я любил одно время приходить в небольшой сад рядом с моей старой работой — там есть особняк, всегда поражавший меня своим таинственным видом. В ту пору я, конечно, был куда больший мечтатель, чем сейчас, я любил подолгу созерцать его старинный фасад, сквозь зашторенные окна пытался проникнуть во все его тайны, которые сам же себе и напридумывал, меня буквально тянуло в это завораживающее место...

— Прелестно! Очень похоже на начало романа, — улыбнулась Диана. — Подозреваю, там-то вы и познакомились?

— Да! Хотя немного не так. Ладно, начну лучше с другого, расскажу сразу про нашу вторую встречу. Говорят, ведь браки рождаются на небесах? Я уверен, так оно и было: в тот благостный весенний день на небе нам явно подавали знаки!

Утром я почему-то проснулся очень рано, хотя у меня был выходной и ничего важного не намечалось. Но зато

я увидел рассвет... Мне всегда казался красивее закат, но тогда я усомнился в этом! Такой небесной глубины и объема я, пожалуй, никогда больше не видел.

«Небосвод покрывала нежная вуаль, которая, взмывая ввысь, растворялась в его бирюзовых глубинах. Стягиваясь к рассветному горизонту, эти ванильные разводы сначала загорались огненными прожилками, после чего растекались золотыми брызгами», — зачитал Витя из дневника.

— Помню, я тогда еще подумал: какое многообещающее начало дня! А вечером у меня был запланирован концерт. То есть так получилось совсем случайно: у Крайнова пропадали билеты в Рахманиновский зал консерватории, и он предложил их мне. И хотя я не знал, с кем пойти, но все равно взял два билета в надежде, что, может быть, на месте все как-нибудь устроится. (Кстати, это уже не первая у нас с ним история, связанная с билетами.)

Сам концерт мне не сильно пришелся по вкусу. Звучали современные произведения польских композиторов. Сумбурная музыка, надо сказать. Но, помню, мне все же понравились несколько композиций... кажется это был Пуленк, вы не слышали про такого? Да я и сам услышал его тогда первый раз. А потом...

Мой блуждающий по залу взгляд привлекли густые темно-каштановые волосы через три или четыре ряда впереди. Не знаю, но, кажется, сразу что-то внутри меня шелохнулось, и я стал представлять себе ее образ, который не мог пока видеть. К счастью, концерт был недолгий, даже без антракта. Когда наконец смолкли последние звуки необузданного фортепиано и зрители, поднявшись со своих мест, двинулись в проходы, я увидел сначала ее профиль... Видимо, что-то почувствовав, она повернулась, и мы мимолетно встретились взглядами. Но мне хватило и одного мгновения! Фойе наводнили люди, и я очень боялся потерять ее из вида, пока наконец мы не вышли на улицу. Небесно-голубой сарафан удивительно на ней сидел, и волнение мое многократно усилилось. Самое заветное желание у меня теперь было, чтобы она оказалась свободна, ну или хотя бы не отшила меня с первой же фразы. Я долго колебался, подыскивал слова, и так как мы перешли Никитскую и достигли середины Газетного, начал опасаться, что уже не решусь с ней заговорить, но все же переборол себя. Спросил что-то банальное, вроде: выйду ли я этим путем к Камергерскому переулку. Она посмотрела на меня пристально, и ответили сначала ее глаза.

— Ох уж эти ее глаза, — Витя отер слезу, — сколько света и чистоты я увидел в них тогда... а когда услышал ее голос — что-то во мне дрогнуло... ощущение, похожее на дежавю, словно какой-то давний кадр мелькнул в моей памяти... Мы вместе вышли на Тверскую, и здесь наши

пути расходились: ей нужно было поворачивать, а мне — якобы распускаться в переход на другую сторону улицы. Ситуация требовала быстрых решений, но от волнения я, как нарочно, замешкался и не мог внятно выразиться. Еще немного, и я бы совсем потерял лицо, но неожиданно для себя машинально воскликнул, что не смогу уже обрести спокойствия, если не провожу ее, куда она сочтет уместным. Получилось навязчиво, фамильярно.

«Спасибо, мне очень приятно. Но я все-таки хотела бы побыть наедине со своими мыслями», — ответ ее обрекал на вечные мытарства в толчее городских улиц в тщетных поисках несбывшегося или, быть может, ее несуществующей сестры-близнеца.

Я почувствовал, как земля уходит из-под моих ног, но в этот критический момент вдруг понял, что допустил еще одну оплошность — я ведь даже не представился! Оставался последний шанс. Быстро назвал свое имя и услышал в ответ — Мари...

И тут меня осенило!

Ведь это та самая девушка, которую я уже однажды повстречал полгода назад в своем таинственном саду! Тогда она, правда, была одета по вечернему элегантно, с пышной торжественной прической, и сейчас в ее повседневном облике я, конечно, не мог ее так просто узнать!

Тут же на одном дыхании я изложил ей все это и заметил некоторое замешательство в ее глазах. Секунду-другую она пристально всматривалась в меня, а потом легкий сумрак во взгляде незнакомки озарился мимолетным сиянием. Она вспомнила меня и — о, небо! — напоследок оставила мне свой номер телефона!

Сияние и сумрак зеленовато-карих глаз преследовали меня потом несколько дней. И чем больше я думал о ней, тем яснее осознавал — это судьба. В конце недели я решился ей позвонить.

Мы встретились в Коломенском. Одета она была довольно просто, но вещи ей удивительно шли: атласная блузка, облегающая красивую полную грудь, синяя просторная юбка до пят. На голове желтел веноч из одуванчиков. Увидев меня, улыбнулась своей широкой и открытой улыбкой, полностью обнажающей верхние десны. В этой улыбке проявились одновременно и задор, и озорство, и еще что-то волнующее. Впоследствии я понял, что властные складочки под щеками появляются у нее еще тогда, когда она предается самозабвенным капризам. Я извинился за небольшую задержку, и вскоре мы уже шли под руку, вдыхая сладкие ароматы весны.

И нас закружило в этом весеннем вальсе пробуждающихся чувств, и не успело прийти лето, как вальс, совершенно не спросив нас, перешел в настоящий водоворот, который, представьте себе, затягивал в пучину любовной страсти. Необыкновенно красочное переживание! Мы даже признались друг другу, что никто из нас никог-

да еще не испытывал ничего подобного. И размышляя об этом чувстве, я каждый раз вспоминаю то самое небо с «золотыми брызгами, разлитыми на рассвете», — ведь это ее собственные слова! Впоследствии я узнал, что и она тоже лелеяла в душе тот самый рассвет, и впечатления о нем поныне хранятся здесь...

Молодой человек посмотрел на дневник, который держал в руках так, словно это было единственное сохранившееся в пожаре сокровище.

— А потом зацвела липа, и счастье наше не имело пределов. Целыми вечерами пропадали мы в парках, прогуливались по тенистым липовым аллеям. Их медовый аромат пьянил и уносил ввысь. Наслаждаясь вечерней прохладой, находили мы покой и уединение на лавочках среди зарослей жасмина и сирени, смотрели на звезды, а потом друг другу в глаза — и могли так очень долго всматриваться, сливаясь во взгляде, проникая друг в друга. В один из таких моментов, когда мы уже начинали ощущать, что мы одно целое, что у нас одно тело и одна душа на двоих, нам вдруг показалось, что наше единение породило нечто особенное, как если бы мы увидели совершенно самостоятельное духовное существо — плод нашей любви. В нем, казалось, собралась вся ее жуть, как от последней грани духовного обнажения. И на мгновение у нас в сердцах промелькнул отголосок космического ужаса. Но нам и этого хватило с лихвой — паническое, обморочное чувство, надо сказать.

— Да, такие примеры иногда встречаются в художественной литературе, — вставила психотерапевт. — Но это первый случай в моей практике, чтобы кто-нибудь так ярко рассказывал о своей любви. Я смотрю, ты утонченная натура, прямо-таки лирик! Давно не слышала, чтобы кто-нибудь изъяснялся в такой возвышенной манере.

— Лирик, который вынужден работать физиком, — тихо ответил молодой человек. — Отчасти это ее влияние.

— Хорошо. Продолжай дальше.

— Время летело очень быстро. Прошло время молодой листвы, отцвела липа, и июльский зной еще более распалил наши сердца. А потом осень в своем пестром убранстве принесла щемящую, но все же приятную грусть о минувшем лете, о нашей первой весне... Погожих дней тогда выдалось не так много, как-то быстро похолодало; дожди и промозглость вовсе не располагали к нашим привычным длительным прогулкам. Но друг без друга мы уже не могли жить и одного дня, чувствуя волнение и беспокойство в душе. Поэтому с наступлением холодов она вскоре переехала ко мне из своего общежития... Ах, да, совсем забыл сказать — она искусствовед! Той осенью у нее как раз начался четвертый курс.

— На тот момент у вас уже были физические отношения?

— Конечно, нет! А почему вы спрашиваете?

— Решила уточнить. Просто из твоего рассказа складывается впечатление, что ваши отношения уже были полными во всех смыслах.

— Нет, мы ограничивались лишь страстными поцелуями... ну и другими безобидными проявлениями чувств.

— Вас что-то сдерживало? Какие-нибудь барьеры?

— Мы просто не хотели торопиться, тем более, — Вита немного смутился, — тогда она была еще целомудренна.

— Теперь понятно.

— И... сейчас мне даже кажется, что с началом физических отношений мы как будто что-то утратили, какую-то частицу света...

— Эту ситуацию мы еще разберем. Ладно, продолжай.

— Со временем наша совместная жизнь вошла в размеренный ритм. В то время я как раз начал осваивать новую профессию — синоптика. И приходил с работы...

— Ты работаешь синоптиком? Такая редкая профессия, — удивилась Диана.

— Да, редкая. В общем, приходил с работы, я заставлял ее обычно за книгой или за написанием какого-нибудь реферата. Она откладывала в сторону свои занятия, и мы шли вместе ужинать. Давняя мечта о размеренной семейной жизни наконец начинала сбываться. Более того, я даже стал чувствовать себя моложе, хотя мы и так не ощущали разницы в десять лет.

Иногда с живым интересом я перечитывал ее эссе. В основном они были на какую-нибудь тему об искусстве: что-то из серии «ренессанс готических соборов Флоренции» или «элементы импрессионизма в позднем романтизме». И в свои тридцать находил в этом отдушину. Ведь я всегда испытывал острую тягу к прекрасному, к искусству, к творчеству.

В юношестве я научился неплохо играть на гитаре и чуть-чуть на фортепиано. Одно время брался даже за скрипку (хотя ничего путевого из этой затеи не вышло). Зато достиг определенных успехов в сочинительстве. Все началось с незамысловатых песен для акустики, однако вскоре музыка настолько увлекла меня и утончила мои эстетические вкусы, что гитары мне стало мало, и я с головой ушел в инструментальную музыку, которую стал создавать на домашнем компьютере. Я искал новые идеи, пробовал новые стили, хотел сделать прорыв в музыке. Планы были грандиозные! Но я не мог сконцентрироваться на чем-то одном, меня мотало из стороны в сторону, как мой старый механический метроном. И все больше терял я связь с реальностью, насыщая свои композиции обильными электронными эффектами, пока незаметно для себя не оказался в космических дебрях стиля нью-эйдж. А потом и этого мне стало мало, и я обратился к вечной классике. На ней-то и погорел — ноша оказалась неподъемной, и мой творческий порыв

захлебнулся. Какое-то время я еще двигался по инерции, но юношеские замыслы сходили на нет и, так же как метроном, постепенно затухали, оставляя по себе лишь осадок чего-то несбывшегося, неразрешенного, неовплощенного, как горечь потерянной мечты. Несколько музыкальных записей — единственное, что от нее осталось¹.

Но эти ее университетские упражнения и эссе... С одной стороны, они навеяли воспоминания о моих собственных студенческих годах, а с другой — разбередили былую рану, пробудив дремлющую творческую Мари целиком принадлежала миру слов. В ее тихой, еще не вполне осознанной грации, в этой интровертности я увидел настоящий писательский дар. Примечательно, что тогда у меня в голове как-то сами собой появились несколько идей для сюжета, и я подумал: «Вот оно! Я смогу придумать сюжет, а она воплотит его в слове, которым замечательно владеет. Восхитительный творческий союз!». И я загорелся: не только союз двух сердец, но и творческий союз...

— Потрясающе! — согласилась психотерапевт, посмотрев на часы. — Виктор, это все очень интересно, но время у нас, к сожалению, ограничено, поэтому я предлагаю несколько иначе построить наш разговор. Вспомни, пожалуйста, когда между вами произошла первая ссора или вы первый раз почувствовали недопонимание? То есть когда начала понемногу сходить первая окрыленность?

— Если первая окрыленность и стала сходить, — ответил Витя, — то отнюдь не от охлаждения чувств! Но через что мне пришлось пронести их!.. И что творилось у нее в душе, мне до сих пор не понять. Ведь я не увидел и трети того, что раскрылось в ней уже в замужестве.

— С этим сталкиваются восемьдесят процентов пар, поверь. Но, я смотрю, вы достаточно быстро оформили отношения?

— Да, через год и три месяца, — вздохнул Витя. — Но инициатива исходила исключительно от меня. Помню в апреле, накануне Пасхи, я первый раз заговорил с ней о перспективах свадьбы. Но такой реакции я не ожидал: краска залила ее щеки, она посмотрела на меня удивленным, почти испуганным взглядом, а потом произнесла: «Как, уже время пришло?» Меня это покорило, и я стал приводить разные доводы: что мы живем в придуманном мире, в котором нам обоим уже тесно, что нашим отношениям нужно дать новый импульс, что

нужно развиваться дальше, двигаться вперед... Тогда я и сам плохо осознал, что говорю, но с каждым моим новым доводом она становилась все грустнее и грустнее, все более замыкалась в себе. А потом со слезами произнесла: «Если все хорошо, если мы счастливы друг с другом, то зачем нужны все эти формальности, штампы в паспорте?» Не то чтобы она боялась этого решительного шага — связать свою жизнь со мной. Нет. Позже я узнал, что в глубине души Мари опасалась, что брак может заглушить даже истинную любовь, если она оказывается под его гнетом. И наверное, в чем-то была права. Но время шло, и постепенно она примирилась с идеей замужества. В начале лета, во время очередной прогулки в Коломенском, я сделал ей предложение. Она приняла его спокойно и смиренно, как нечто неизбежное, но вскоре и вовсе вошла во вкус нового состояния, и за месяц до свадьбы целиком погрузилась в приятные» как она их называла, свадебные хлопоты. Возможно, ей стало интересно ощутить себя в новой роли.

Итак, мы сыграли свадьбу, а после свадьбы, как и полагается, отправились в романтическое путешествие. Изначально наш выбор пал на Италию, но в последний момент из-за проблем с визами пришлось переиграть планы.

Две недели медового месяца мы провели в Хорватии, удивительно красивой и гостеприимной стране. Мы побывали в Дубровнике, прибрежном городке, еще не утратившем средневековый колорит. Несколько дней жили на Плитвицких озерах — стране журчащих ручьев, водопадов и туманов, наполняющих все вокруг сказочной задумчивостью, хотя и опошленной отчасти полчищами азиатских туристов. Вторую неделю мы провели в Сплите, крупном береговом центре с роскошной набережной и античным дворцом Диоклетиана, главной своей достопримечательностью. Именно там я оказался свидетелем совершенно не знакомого состояния ее души, которое затем случалось видеть мне не раз, и всегда оно то приводило меня в дрожь, то кидало в безумную страсть... Хотя нет, все началось с другого, с необъяснимого происшествия, приключившегося с нами на соседнем острове Брач, куда мы отправились, чтобы насладиться знаменитым на всю округу пляжем «Золотой Рог».

Пока Витя сидел на мягком диване и, погружившись в воспоминания, рассказывал психотерапевту свою историю, в это самое время, в другой части Москвы, на углу Старой Басманной и Бабушкинского переулка разворачивались драматические события. Горел особняк Муравьева-Апостола.

¹ Автору удалось разыскать некоторые музыкальные композиции Вити. Читатель может прослушать их на сайте www.LITART.CLUB